Реальная возможность подавления либо отторжения Другого по причине его инаковости и, одновременно, отказ от использования этой возможности (аксиома ненасилия). Речь идет не о сфере чувств, а об их публичном выражении и инспирируемых ими поступках. Толерантность может иметь место только там, где ее субъект сознательно воздерживается от отвержения или подавления Другого. В этом контексте толерантность всегда есть (возможное, но необязательное) следствие властного ресурса.

Осознание субъектами толерантности нерационального характера отчуждения, противостояния и неконструктивных конфликтов (аксиома рационального прагматизма).

Поиск субъектами общего пространства их жизненной идентичности и последующее добровольное вхождение в него (аксиома общего знаменателя). Толерантность может иметь место только в том случае, если у ее субъектов имеется единая ценностная основа, позволяющая им вступить в диалог.

Право субъектов толерантности проявлять твердость, неуступчивость по отношению к тем, кто предпринимает действия, несовместимые с кодексом человечности (аксиома самозащиты). Толерантность не сводится к «смиренной любви» или к «принятию других, каковы они есть», как об этом нередко пишется в нашей научной публицистике. Мы вовсе не обязаны, оставаясь в границах толерантности, бездействовать, если кто-то насильничает или оскорбляет другого, поскольку имеет место нарушение наших законных прав и свобод.

Толерантность детерминирована, в конечном счете, экономическими, финансовыми и правовыми факторами (аксиома несамодостаточности). Поэтому следует признать теоретическую и методологическую несостоятельность попыток редуцировать феномен толерантности (интолерантности) к свойствам психики либо дедуцировать ее из нравственного самосознания, а задачу формирования культуры толерантного поведения усматривать в психопрофилактической коррекции и морализаторстве.

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

Суть Н.д. мы усматриваем в речемыслительной деятельности, нормативную основу которого составляет исторически сформировавшийся комплекс *регулятивных принципов*, следование которым оптимизирует процесс создания, трансляции и использования знаний. В этот комплекс входят: объективность, установка на поиск истины, концептуальность (теоретичность), эмпиричность, логичность, методологичность, обоснованность, критицизм и креативность.

Когнитивный аспект Н.д. реализуется в пространстве субъект – объект отношения, и поэтому оценивается в терминах классической концепции истины («истинно» или «ложно»). Его коммуникативный аспект имеет иную, а именно, субъектную интенцию, представляет собой способ речевого воздействия одного субъекта науки на другого. Он характеризуется установкой иницилирующей стороны на консервацию либо изменение научных воззрений реципиента,

моделей его научного опыта. Его оценка осуществляется в терминах прагматической теории истины («эффективно» или «неэффективно»). Диалогический, межсубъектный характер научной деятельности не дает оснований для редукации когнитивного аспекта Н.д. к коммуникативному: у них разные цели, методы и средства. Цель общения в ученом мире – ознакомить коллег с полученными результатами, выслушать их суждения и высказать свое мнение по поводу критических замечаний и возражений, поделиться возможными подходами к решению той или иной научной проблемы. Структура познавательного процесса – «формулировка *проблемы* – выдвижение гипотезы – проверка этой гипотезы и объяснение на ее основе фактов» не укладывается в схему коммуникативной тактики и стратегии; идеалы и принципы научного поиска не совпадают с принципами коммуникативного кодекса.

Предложенная выше характеристика относится к содержанию понятия общенаучного

дискурса (общенаучной рациональности). Локальная, или дисциплинарная, научная рациональность специфицируется диверсификацией значений таких атрибутивных параметров дискурса как онтология и предметная область, выразительные средства и литературные стили языка, его уровни, формы и способы когнитивной деятельности, предпосылочное знание, мировоззренческие и социокультурные пресуппозиции субъектов дискурса, средства и структуры внутринаучной коммуникации, и т. п. К примеру, предметную область естественнонаучного (природоведческого) дискурса составляют объекты с физическими, химическими или биологическими формами детерминации; социокультурного дискурса – объекты, специфика которых обусловлена семиотической формой детерминации в эволюции общества; математического дискурса – абстрактные объекты с преимущественно логико-дефинитивной формой детерминации; различия в темпоральных сферах бытия детерминирует выделение исторического Н.д., и т. п. Далее, несложно усмотреть релевантные выше-названным различия в способах обоснования, характерных для дискурса эмпирических наук, таких как физика и биология, с одной стороны, и дискурса формальных наук (логика и математика) – с другой; в моделях объяснения фактов в социально-гуманитарном и природоведческом дискурсах, и т. д.

В регулятивных принципах Н.д. аккумулярована многовековая практика научного познания. Их совокупность позволяет более или менее успешно дистанцировать науку от ненауки (преднауки, религии, философии, псевдонауки): отступление от этих принципов означает, что соответствующая деятельность и ее продукция не являются, в общем и целом, научными. Важно подчеркнуть, что речь не идет об исчерпывающем перечне требований, имеющих однозначное и неизменное содержание (что характерно для абсолютизма): в контексте изменяющихся стадий и форм научной практики некоторые из них вводятся в статусе инновационных, другие утрачивают актуальность, а третьи подвергаются коррекции (уточнению и модификации). Тем

не менее (вопреки релятивизму) в них присутствует определенное константное содержание.

Другое дело, что, будучи идеалами, эти требования задают некий предельный уровень, степень приближения к которому варьируется в зависимости от предметной области дискурса, а также разработанности его теоретического уровня, методов и средств эмпирического исследования. Наиболее близки к этому идеалу природоведческие науки. Существенно иная ситуация складывается в отношении социогуманитарных наук: они имеют дело с проблемами, относящимися к устройству общества и положению в нем человека, и это обстоятельство не может не затрагивать сферу личностного бытия самого исследователя, его частных и корпоративных мотивов и интересов. Кроме того, многоаспектность, многофакторность и динамизм социального бытия, способность человека «перешагивать» через любые табу и инстинкты, породить виртуальную среду своего обитания создают для исследователя проблемные ситуации, в которых теоретическое моделирование (как один из ведущих методов наук, благополучных, как принято говорить, в эпистемологическом отношении) находится еще в начальной стадии развития. Весьма ограниченными остаются здесь и возможности экспериментальной деятельности. Но все это не дает оснований для принижения роли общенаучных идеалов и принципов, и, тем более, для отказа от них в какой бы то ни было области научного познания.

Литература:

Кун Т. Структура научных революций. М., 1977; Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983; Тулмин С. Человеческое понимание. М., 1984; Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М., 1984; Фейерабенд П. Избр. труды по методологии науки. М., 1986; Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. М., 1988; Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии, 1992, № 6; Хьюбнер К. Критика научного разума. М., 1994; Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995; Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002; Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум. М., 2003; Зуев К.А., Кротков Е.А. Рациональность: дискурсный подход. М., 2010.